

ЛЕВ
ТОЛСТОЙ

БЕСЕДА С ДЕТЬМИ
ПО ПРАВСТВЕННЫМ
ВОПРОСАМ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ. ТОМ 37

Лев Николаевич Толстой

**Полное собрание сочинений.
Том 37. Произведения
1906–1910 гг. Беседа с
детьми по нравственным
вопросам**
(Весь Толстой в один клик)

Содержание

Лев Николаевич Толстой Беседа с детьми по нравственным вопросам (1907 г.)	0004
#2	0005
Предисловие к электронному изданию	0007
#4	0010
БЕСЕДЫ С ДЕТЬМИ ПО НРАВСТВЕННЫМ ВОПРОСАМ	0011
Комментарии В. С. Спиридонова	0026
ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ И ПЕЧАТАНИЯ	0026
ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОМУ ТОМУ	0029
РЕДАКЦИОННЫЕ ПОЯСНЕНИЯ К ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОМУ ТОМУ	0047
Иллюстрации	0050

Лев Николаевич Толстой

Беседа с детьми
по нравственным вопросам
(1907 г.)

Государственное издательство
«Художественная литература»
Москва – 1956

Электронное издание осуществлено
в рамках краудсорсингового проекта
«Весь Толстой в один клик»

Организаторы:

Государственный музей Л.Н. Толстого

Музей-усадьба «Ясная Поляна»

Компания АВВУУ

Подготовлено на основе электронной ко-
пии 37-го тома

Полного собрания сочинений Л.Н. Толсто-
го, предоставленной

Российской государственной библиотекой

Электронное издание

90-томного собрания сочинений Л.Н. Тол-
стого

доступно на портале www.tolstoy.ru

Предисловие и редакционные пояснения к
37-му тому Полного собрания сочинений Л.Н.
Толстого включены в настоящее издание

*Если Вы нашли ошибку, пожалуйста, напи-
шите нам*

info@tolstoy.ru

Перепечатка разрешается безвозмездно

—

Reproduction libre pour tous les pays.

Предисловие к электронному изданию

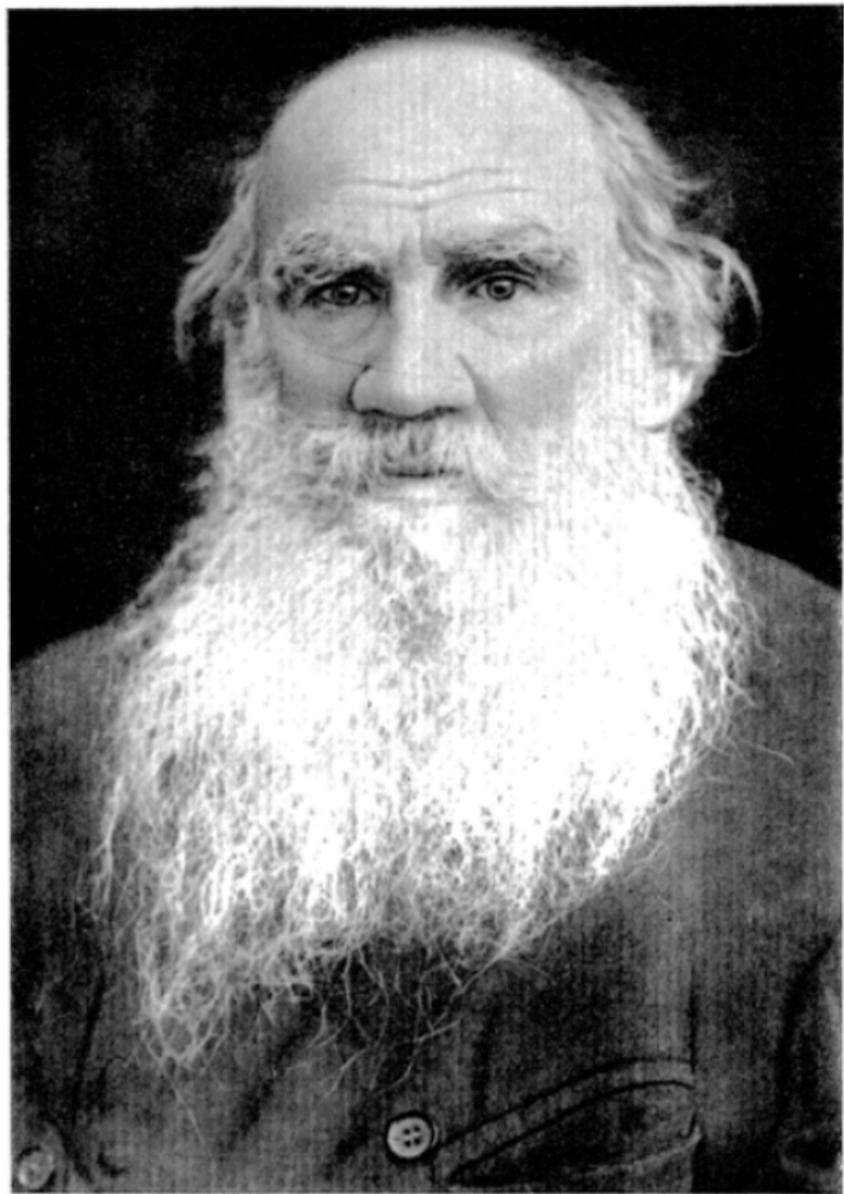
Настоящее издание представляет собой электронную версию 90-томного собрания сочинений Льва Николаевича Толстого, вышедшего в свет в 1928—1958 гг. Это уникальное академическое издание, самое полное собрание наследия Л.Н.Толстого, давно стало библиографической редкостью. В 2006 году музей-усадьба «Ясная Поляна» в сотрудничестве с Российской государственной библиотекой и при поддержке фонда Э. Меллона и координации Британского совета осуществили сканирование всех 90 томов издания. Однако для того чтобы пользоваться всеми преимуществами электронной версии (чтение на современных устройствах, возможность работы с текстом), предстояло еще распознать более 46 000 страниц. Для этого Государственный музей Л.Н. Толстого, музей-усадьба «Ясная Поляна» вместе с партнером – компанией АВВУУ, открыли проект «Весь Толстой в один клик». На сайте readingtolstoy.ru к проекту

присоединились более трех тысяч волонтеров, которые с помощью программы АBBYY FineReader распознавали текст и исправляли ошибки. Буквально за десять дней прошел первый этап сверки, еще за два месяца – второй. После третьего этапа корректуры *тома и отдельные произведения* публикуются в электронном виде на сайте tolstoy.ru.

В издании сохраняется орфография и пунктуация печатной версии 90-томного собрания сочинений Л.Н. Толстого.

Руководитель проекта «Весь Толстой в один клик»

Фекла Толстая

Л. Н. ТОЛСТОЙ. 1908

БЕСЕДЫ С ДЕТЬМИ ПО НРАВСТВЕННЫМ ВОПРОСАМ

Преподавать детям нравственность я пытался вот как: собрав выраженные разными мыслителями нравственные истины и изложив их доступным детям в возрасте около 10 лет языком, я разделил их на отделы, и каждый день читал детям по одной мысли из одного по очереди отдела, и, прочтя, просил их повторить своими словами прочитанное, разъясняя непонятное и отвечая на вопросы, вызванные чтением.

Отделов таких у меня составилось около 20. Я говорю около 20 потому, что я не вполне остановился на числе отделов и то прибавляю, то убавляю их.

Главные отделы следующие:

- 1) Бог.
- 2) Жизнь в воле бога.
- 3) Человек сын бога.
- 4) Разум.
- 5) Любовь.
- 6) Совершенствование.

- 7) Усилие.
- 8) Мысли.
- 9) Слова.
- 10) Поступки – дела.
- 11) Соблазны внутренние
- 12) Соблазны внешние.
- 13) Смирение.
- 14) Самоотречение.
- 15) Непротивление.
- 16) Жизнь в настоящем.
- 17) Смерть.
- 18) Жизнь – благо.
- 19) Вера.

Таких нравственных истин набралось у меня более 700, так что, если расположить их по дням, то на каждый день придется по 2.

Для образца выписываю по одной мысли из каждого отдела.

ИЗ ОТДЕЛА 1-го

Услыхали раз рыбы в реке, что люди говорят: рыбам можно жить только в воде. И стали рыбы друг у друга спрашивать: что такое вода? И ни одна рыба в реке не могла сказать,

что такое вода. Тогда умная, старая сказала, что есть в море премудрая рыба. Она всё знает. Спросим ее: что такое вода? И вот поплыли рыбы в море к старой премудрой рыбе и спросили ее: как бы нам узнать, что такое вода? Премудрая рыба сказала: вы не знаете, что такое вода, потому что живете в воде. Узнаешь воду только тогда, когда выскочишь из нее и почувешь, что без нее жить нельзя. Только тогда поймешь, что мы водою живем и что без воды нет жизни.

То же и с людьми, если они думают, что не знают бога. Мы живем в боге и богом, и только что уйдем от бога, сейчас нам так же плохо, как рыбе без воды.

ИЗ ОТДЕЛА 2-го

Когда на большой дороге грабят разбойники, то путешественник не выезжает один: он выжидает, не поедет ли кто-нибудь со стражей, присоединяется к нему, и тогда уже не боится разбойников.

Так же поступает в своей жизни и разумный человек. Он говорит себе: «В жизни мно-

го всяких бед. Где найти защиту, как уберечься от всего этого? Какого дорожного товарища подождать, чтобы поехать в безопасности? За кем ехать следом: за тем или за другим? За богатым ли, за важным ли вельможей или за самим царем? Но уберегут ли они меня? Ведь и их грабят и убивают, и они так же бедствуют, как и другие люди. Да еще и то может быть, что тот самый, с кем я поеду, нападет на меня и ограбит. Какого же мне найти себе верного дорожного товарища, такого товарища, чтобы он не напал на меня, а был мне всегда защитой? За кем мне идти следом? Один есть такой верный товарищ. Товарищ этот – бог. За ним надо идти, чтобы не попасть в беду. А что значит идти за богом? Это значит желать того, что он хочет, и не желать того, чего он не хочет. А как достигнуть этого? Понять его законы и следовать им».

ИЗ ОТДЕЛА 3-го

Христос сказал, что каждый человек сын бога. Это значит то, что в каждом человеке живет дух божий, по телу всякий человек сын

своих родителей, по духу всякий человек сын бога. Чем больше человек понимает в себе дух божий, чем больше признает свою сыновность богу, тем больше он приближается к богу и к истинному благу.

ИЗ ОТДЕЛА 4-го

Чем добрее бывает жизнь человека, тем больше бывает в нем разума. А чем разумнее человек, тем добрее бывает жизнь человека.

Для доброй жизни нужен свет разума. А для того, чтобы разум был светел, нужна добрая жизнь. Одно помогает другому. А потому, если разум не помогает доброй жизни, это не настоящий разум. И если жизнь не помогает разуму, то это не добрая жизнь.

ИЗ ОТДЕЛА 5-го

Постарайся полюбить того, кого ты не любил, кто обидел тебя. И если это удастся тебе сделать, то тебе сейчас же станет очень хорошо и радостно на душе. Как свет ярче светит после темноты, так и на душе бывает особен-

но хорошо, когда вместо злобы и досады почувствуешь любовь к тому, кого не любил и кто обидел тебя.

ИЗ ОТДЕЛА 6-го

Мы все знаем, что живем не так, как надо и как могли бы жить. И потому надо всегда помнить, что жизнь наша может и должна быть лучше.

Помнить это надо не затем, чтобы осуждать жизнь других людей и свою, не исправляя ее, а затем, чтобы стараться с каждым днем и часом становиться хоть немного лучше, исправлять себя.

В этом самое главное и самое радостное дело в жизни.

ИЗ ОТДЕЛА 7-го

Бывает неприятно, когда тебя хвалят за то, чего ты не сделал, и также неприятно, когда бранят за то, чего ты не заслужил. Но можно и в напрасной похвале и в напрасной брани найти пользу. Если ты не сделал доброго дела

и тебя хвалят за него, постарайся сделать то, за что тебя хвалят. А если тебя бранят за то, чего ты не сделал, то постарайся вперед не делать того, за что тебя бранят.

ИЗ ОТДЕЛА 8-го

Как удилами во рту мы управляем конями и рулями управляем кораблями, так и языком мы управляем всем телом. Языком можно и осквернить, можно и освятить себя. И потому надо не говорить, что попало, а внимательно следить за своими словами.

Слово – великое дело. Как небольшой огонь может сжечь целые деревни, так и от одного слова может сделаться большое несчастье.

ИЗ ОТДЕЛА 9-го

Для того, чтобы не делать злых дел, надо удерживаться не только от самых дел, но и от злых разговоров. Для того же, чтобы удерживаться от злых дел и разговоров, надо научиться удерживаться от злых мыслей. Когда

один думаешь сам с собой и придут недобрые мысли – осуждаешь кого-нибудь, сердишься, – вспомни, что нехорошо так думать, остановись и старайся думать о другом. Только тогда будешь в силах воздерживаться от злых дел, когда научишься воздерживаться от злых мыслей. Корень злых дел в дурных мыслях.

ИЗ ОТДЕЛА 10-го

Китайского мудреца спросили: есть ли такое слово, которое дало бы счастье на всю жизнь?

Мудрец сказал: «Есть слово «шу», смысл этого слова такой: чего мы не хотим, чтобы нам делали, не надо делать другим».

Когда же Христа спросили о главной заповеди закона, он сказал: «Во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними. В этом закон и пророки».

Китайский мудрец сказал, чтобы не делать другим того, чего себе не хочешь: не отступай от любви. А Христос сказал: не только не делай другому того, чего себе не хочешь, но де-

лай другому то, чего себе хочешь, – поступай по любви.

ИЗ ОТДЕЛА 11-го

Пословица говорит: «От трудов праведных не наживешь палат каменных». «От трудов будешь горбат, а не будешь богат».

И пословица не мимо молвится. Большое богатство наживается не трудами, а грехами. От этого большое богатство тяжесть, а не радость для хорошего человека. Не пропускает большое богатство людей в царство божие.

ИЗ ОТДЕЛА 12-го

Надо не поддаваться тому, что делают другие, а жить своим умом. Не беда, если мы смеемся, сами не зная чему, когда другой человек смеется, и если, глядя на того, кто зеваает, и сами зеваем, но плохо то, когда мы поддаемся злему чувству того человека, который злится на нас, обижает нас. Он злится, и мы злимся. А тут-то и дороже всего не поддаться злему чувству, а, напротив, добротой ответить на

злобу. Если с злыми людьми будешь такой же, как они, то сделаешься скоро злым и с добрыми людьми.

ИЗ ОТДЕЛА 13-го

В евангелии сказано (Лука XVI, 15), что велико для людей, то мерзость перед богом. – Это надо всегда помнить, чтобы не ошибиться и не почитать великим и важным то, что мало и ничтожно. Это надо помнить, потому что люди всегда возвеличивают, украшают то, про что они знают, что оно без прикрасы будет не замечено и признано дурным. Так устраивают всякие храмы, шествия с музыкой и флагами, богатыми одеждами. Надо не поддаваться этому блеску и знать и помнить, что всё истинное и доброе не нуждается в украшениях и бывает просто и скромно.

ИЗ ОТДЕЛА 14-го

Люди живут общими трудами всех. И чугуны, и косы, и сошник, и сукно, и бумага, и спички, и свечи, и керосин, и тысячи других

вещей – всё это труды людские. И потому, чтобы не отнимать у людей людских трудов, надо, если мы пользуемся трудами людей, оплачивать за это своим.

Есть пословица, что, если один человек живет не работая, то где-нибудь какой-нибудь человек от этого умирает с голоду.

Но как учесть, больше ли я беру, чем даю? Учесть нельзя, и потому, чтобы не быть вором и убийцей, лучше больше отдать, чем взять, и для этого как можно больше работать и как можно меньше брать от других людей.

ИЗ ОТДЕЛА 15-го

«Вы слышали, что сказано: око за око и зуб за зуб. А я говорю вам: не противься злему. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую» (Мф. V, 38—39). Учение это запрещает делать то, от чего умножается, а не прекращается зло в мире. Когда один человек нападает на другого, обижает его, он этим зажигает в другом чувство ненависти, корень всякого зла. Что же надо сделать, чтобы потушить это чувство зла? Неужели сделать то са-

мое, что вызвало это чувство зла, то есть повторить дурное дело? Поступить так, значит вместо того, чтобы уничтожить зло, усилить его.

И потому непротивление злу злом есть единственное средство победить зло. Только оно одно убивает злое чувство и в том, кто сделал зло, и в том, кто понес его.

ИЗ ОТДЕЛА 16-го

Никогда не откладывай доброго дела, если можешь сделать его нынче. Смерть не разбирает того, сделал ли, или не сделал человек то, что должен. Смерть никого и ничего не дожидается. У нее нет ни врагов, ни друзей. Дела человека, то, что он успел сделать, становятся его судьбой, хорошей или дурной. И потому для человека важнее всего в мире то, что он сейчас делает.

ИЗ ОТДЕЛА 17-го

Человек видит, как всё на свете – и растения и животные – зарождается, растет, креп-

нет, плодится, а потом слабеет, портится, стареется и умирает.

То же самое видит человек и над своим телом и, глядя на других людей, когда они умирают, знает и про свое тело, что оно состарится, испортится и умрет, как и всё, что родится и живет на свете.

Но кроме того, что он видит на других существах и на людях, каждый человек знает в себе еще то, что не портится и не стареется, а, напротив, что больше живет, то лучшеет и крепнет, – знает каждый человек в себе свою душу.

Что будет с душой, когда мы помрем, никто не может знать. Одно мы верно знаем – это то, что портится, преет и гниет только то, что телесно, а душа нетелесна, и потому с ней не может быть того, что с телом. И потому страшна смерть только тому, кто живет только телом.

Для того же, кто живет душою, нет смерти.

ИЗ ОТДЕЛА 18-го

Знай и помни, что если человек несчастен,

то он сам в этом виноват, потому что бог создал людей не для того, чтобы они были несчастны, а для их счастья. Несчастливы бывают люди только тогда, когда они желают того, что не всегда могут иметь. Счастливы же тогда, когда желают того, что всегда могут иметь. Чего же люди не всегда могут иметь? И что могут всегда иметь, когда желают этого?

Не всегда могут люди иметь то, что не в их власти, то, что другие могут отнять у них. Всего этого люди не могут иметь всегда. Всегда же могут иметь люди только то, чего никто от них отнять не может.

Первое – это все блага мирские, богатство, почести, здоровье. Второе – это своя душа, свое желание во всем исполнять волю бога. И бог дал в нашу власть как раз то, что нам нужнее всего для нашего блага, потому что ничто, никакие мирские блага не дают истинного блага, а всегда только обманывают. Истинное же благо дает только исполнение воли бога. Бог не враг нам, он поступил с нами, как добрый отец: он не дал нам только того, что не может дать нам блага.

ИЗ ОТДЕЛА 19-го

Во всех верах учение о том, как надо жить людям, одно и то же. Обряды разные, а вера одна.

Разумный человек видит то, что едино во всех верах, глупый же видит только то, что в них разное.

Лев Толстой.

ИСТОРИЯ ПИСАНИЯ И ПЕЧАТАНИЯ

2 февраля 1906 г. Толстой записал в Дневнике: «Очень хочется Круг чтения для детей и народа. Но всё руки не доходят» (т. 55, стр. 186). К осуществлению этого замысла Толстой приступил в декабре 1906 г. Тогда же он начал занятия с крестьянскими мальчиками Ясной Поляны по вопросам религии и нравственности. Эти занятия давали ему материал для детского «Круга чтения». Занятия с детьми Толстой продолжал в течение всего первого полугодия 1907 г. и параллельно с этими занятиями работал над составлением детского «Круга чтения». 29 июня 1907 г. он отметил в Записной книжке: «Кончил год Круга чтения, но очень плохо» (т. 56, стр. 201).

И. И. Горбунов-Посадов, предпринимавший с осени 1907 г. издание журнала «Свободное воспитание», в июле или в начале августа обратился к Толстому с просьбой дать ему для первого номера этого журнала что-нибудь из

составляемого Толстым детского «Круга чтения». Толстой обещал исполнить эту просьбу. 6 августа 1907 г. он записал в Дневнике: «Сейчас взялся за Детский Круг чтения для Ивана Ивановича» (т. 56, стр. 48). Об этом же он отметил 6 и 7 августа и в Записной книжке (т. 56, стр. 207).

Произведя отборку материала из детского «Круга чтения», Толстой написал к нему небольшое вступление и послал И. И. Горбунову-Посадову для печати. Составившаяся таким образом статья была напечатана под заглавием «Беседы с детьми по нравственным вопросам» в первом номере «Свободного воспитания», вышедшем из печати 8 ноября 1907 г.

Из рукописей этой статьи сохранилась лишь машинописная копия с небольшим сравнительно числом поправок Толстого. Рукопись занимает 13 л. 4°, заглавия нет. Текст рукописи имеет ряд разночтений с печатным текстом. Очевидно, Толстым были внесены исправления в копию этой статьи, посланную для набора.

В настоящем издании статья «Беседы с

детьми по нравственным вопросам» печатается по тексту журнала «Свободное воспитание».

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОМУ ТОМУ

В 37-м томе Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого продолжается публикация его произведений, написанных в последние годы жизни. Здесь помещены относящиеся к 1906—1910 гг. художественные произведения, статьи, очерки.

Для правильной оценки включенных в этот том произведений следует учитывать систему взглядов Толстого в целом, в их совокупности, во всей сложности переплетения сильных и слабых сторон. Эти взгляды выражены не только в произведениях Толстого, но также в его дневниках и письмах, в которых читателю раскрывается потрясающая картина мучительных переживаний, вызванных у писателя все более и более ухудшавшимся положением народа, политической реакцией в стране, поисками пути изменения действительности и полным непониманием единственно возможного пути — революционной борьбы.

Годы, к которым относятся публикуемые в 37-м томе произведения, это годы безудержного террора, которым царское правительство стремилось задушить революционную борьбу. Истекающая кровью страна была покрыта виселицами, тюрьмы были переполнены, всякие проявления революционного протеста жестоко карались. Либеральная буржуазия, с ликованием встретившая поражение революции 1905—1907 гг., всемерно помогала самодержавию обманывать народ. Обнищание масс дошло до предела. Но гнев народа не мог быть подавлен никакими репрессиями и нарастал с каждым днем. Настроения пассивизма, непротивления, выражавшие слабые стороны взглядов крестьянства и нашедшие отражение и во взглядах Толстого, стали постепенно изживаться в массах под могучим влиянием пролетарской революционной борьбы и уроков первой русской революции.

Вся эта совокупность условий русской жизни нашла отражение и в эволюции Толстого, писателя, который переживал народные бедствия с такой силой, что страдания крестьянства стали его собственными страданиями.[1]

В последний период жизни Толстой, при всех кричащих противоречиях своих взглядов, при всей интенсивности пропагандирования реакционной теории непротивления злу, не только не перестал быть обличителем существовавшей политической системы, но сам все отчетливее осознавал свой гражданский долг писателя, срывающего с правящей верхушки и эксплуататорских классов все и всяческие маски.

Великая роль Толстого-обличителя с особенной силой стала очевидной в 1908 г., когда все передовое человечество отметило восьмидесятилетие со дня его рождения. Всемирно-историческое значение Толстого тогда получило оценку от имени революционной России в статье Ленина «Лев Толстой, как зеркало русской революции». Ленин охарактеризовал взгляды гениального художника как отражение силы и слабости крестьянской революционности в эпоху 1861—1904 гг. Он с гордостью писал о Толстом как страстном обличителе существовавшей системы, беспощадном критике эксплуатации и рабства, враге самодержавия, выразителе настроений широ-

чайших масс крестьянства. И в то же время Ленин учил отделять в творчестве Толстого то, что принадлежит будущему, от того, что ушло в прошлое. Великий вождь пролетариата указал на опасность, которую представляло для судеб русской революции «толстовское непротивление злу, бывшее серьезнейшей причиной поражения первой революционной кампании».[2]

Трудовой народ в приветствиях, посланных Толстому в связи с юбилеем, выразил свою горячую любовь и благодарность за его самоотверженную деятельность обличителя и критика. Так, в послании рабочих Балтийского судостроительного завода говорилось:

«Из душевных мастерских завода мы, люди тяжелого труда и тяжелой доли, сыновья одной с Вами несчастной родной матери, шлем Вам привет, чтя в лице Вашем национального гения, великого художника, славного и неумолимого искателя истины. Мы, русские рабочие, гордимся Вами как национальным сокровищем, и лишь хотели бы, чтобы и могучему созидателю новой России – рабочему классу – природа дала своего Льва Толстого».

И в то же время своей обличительной деятельностью Толстой вызывал острую ненависть царского правительства, правящих классов, церкви. Реакционная пресса все более усиливала погромную травлю писателя, либералы в своих лживо-лицемерных писаниях грубо извращали сущность его творчества. Царское правительство всеми силами пыталось (как откровенно признала официозная газета «Россия») пресечь «стремления придать почитанию гр. Толстого характер общественного сочувствия его деятельности, направленной против православной веры, против государства и государственных установлений».[3] Разгул черносотенной травли дошел до таких пределов, что Иоанн Кронштадтский сочинил «молитву» о скорейшей смерти Толстого, а епископ Гермоген опубликовал «архипастырское обращение», содержащее отъявленные ругательства по адресу писателя.

Однако никакая травля не могла остановить обличительную деятельность Толстого. До конца своих дней он остался верен своему убеждению в том, что необходимо неустанно

«обличать богатых в их неправде и открывать бедным обман, в котором их держат».[4] Еще в 1890-х гг., в связи с преследованиями за статью «О голоде», он писал: «Я пишу, что думаю, и то, что не может нравиться ни правительству, ни богатым классам.... и пишу не нечаянно, а сознательно...»[5] О том, что он не прекратит обличений существующих порядков, несмотря ни на какие репрессии, Толстой открыто заявил правительству в статье «По поводу заключения В. А. Молочникова» (1908).

Но, как отметил Ленин, «противоречия в произведениях, взглядах, учениях, в школе Толстого – действительно кричащие».[6] Замечательно сильный, искренний протест, гениальные обличения социальной несправедливости и лжи сочетались в деятельности писателя с проповедью нравственного самоусовершенствования, всепрощения, с надеждами на возможность отказа власть имущих от зла, их перевоспитания и т. д. Толстой – «горячий протестант, страстный обличитель, великий критик обнаружил вместе с тем в своих произведениях такое непонимание причин кри-

зиса и средств выхода из кризиса, надвигавшегося на Россию, которое свойственно только патриархальному, наивному крестьянину, а не европейски-образованному писателю».

[7]

Противоречивость взглядов Толстого со всей отчетливостью выразилась и в одном из самых лучших его публицистических произведений – статье «Не могу молчать» (1908).

Эта статья, вызванная все возраставшим стольпинским террором, имела огромный резонанс. Мировое общественное мнение высоко оценило протест великого писателя против массовых казней революционеров и восставших крестьян. Несмотря на то, что «Не могу молчать» было напечатано за границей и могло появиться в России легально только в отрывках, этот, как тогда говорили, «манифест Толстого» получил большую известность.

Как следует из Дневника Толстого, непосредственным поводом к написанию статьи явились газетные сообщения о казни через повешение в Херсоне крестьян «за разбойное нападение на усадьбу землевладельца»[8].

Однако содержание статьи оказалось значительно шире даже весьма острой и важной самой по себе темы о самодержавно-полицейском терроре: это было суровое обвинение всему существовавшему строю. Толстой подчеркнул, что террор был выражением непримиримой вражды царского правительства к представителям «лучшего сословия народа». Говоря о двенадцати казненных крестьянах, писатель продолжал: «...делается это, не переставая годами, над сотнями и тысячами таких же обманутых людей, обманутых теми самыми людьми, которые делают над ними эти страшные дела». Толстой говорит, что двенадцать казненных – это люди, «на доброте, трудолюбии, простоте которых только и держится русская жизнь» и что задушены они «теми самыми людьми, которых они кормят, и одевают, и обстраивают...»

Обличение правящих классов, «высшего сословия», глубоко враждебного народу, составляет пафос всей статьи. С ненавистью говорит Толстой о царском правительстве, которое ввело в систему казни «для достижения своих целей», о том, что «представители хри-

стианской власти, руководители, наставники, одобряемые и поощряемые церковными служителями», совершают «величайшие преступления, ложь, предательство, всякого рода мучительство...» Толстой гневно опроверг обычные утверждения царских чиновников и попов о том, что смертные казни – это единственное средство успокоения народа. Обличая правительство, он писал: «Все те гадости, которые вы делаете, вы делаете для себя, для своих корыстных, честолюбивых, тщеславных, мстительных личных целей, для того, чтобы самим пожить еще немножко в том развращении, в котором вы живете...»

Как и в других своих статьях, Толстой указывал, что освобождение земельной собственности, передача ее народу является важнейшей задачей, без выполнения которой никакие «усмирения» и «успокоения» невозможны. В ужасах, происходивших в России, Толстой винил весь правительственный аппарат «от секретарей суда до главного министра и царя», – участников «ежедневно совершаемых злодеяний».

Но этот беспощадно-резкий и смелый про-

тест, отражавший настроения народа, совмещался в статье «Не могу молчать» с увещаниями, основанными на религиозно-нравственном учении, увещаниями, обращенными к тем людям, которые покрыли Россию виселицами. «Да, подумайте все вы, от высших до низших участников убийств, подумайте о том, кто вы, и перестаньте делать то, что делаете, – писал Толстой в заключении статьи. – Перестаньте – не для себя, не для своей личности, и не для людей, не для того, чтобы люди перестали осуждать вас, но для своей души, для того бога, который, как вы ни заглушаете его, живет в вас». Однако этому предшествовала критика революционеров с позиций непротивления, то есть критика той единственной силы, которая только и могла смести до основания ненавистный Толстому строй угнетения и рабства.

Определяющей и самой сильной стороной статьи является позиция Толстого-обличителя. В том, что он выступал своей статьей прежде всего в этой роли, свидетельствуют и его собственные признания. «Знаю я, – пишет Толстой, – что все люди – люди, что все мы

слабы, что все мы заблуждаемся и что нельзя одному человеку судить другого. Я долго боролся с тем чувством, которое возбуждали и возбуждают во мне виновники этих страшных преступлений, и тем больше, чем выше по общественной лестнице стоят эти люди». И далее следуют знаменательные слова: «*Но я не могу и не хочу больше бороться с этим чувством*». Толстой признает, что не выступать с обличением людей, совершающих преступления, – все равно что быть участником преступлений, быть в кругу тех людей, которыми порождена «нищета народа, лишенного первого, самого естественного права человеческого, – пользования той землей, на которой он родился». С ненавистью ко всем виновникам народных бедствий, с страстью негодования Толстой восклицал:

«Нельзя так жить. Я по крайней мере не могу так жить, не могу и не буду».

И далее он заявлял о своем намерении обличать и бороться против зла, утверждая: «...буду всеми силами распространять то, что пишу, и в России и вне ее...»

Обличительная сила статьи «Не могу мол-

чать» была так велика, что перекрывала места, выражавшие слабые, реакционные стороны толстовского учения. Это было очевидно и для сторонников реакции. Статья смогла быть отпечатана в России только нелегально. В Севастополе издатель газеты, напечатавший ее, был арестован, другие газеты штрафовались даже за помещение отдельных отрывков. Апологеты самодержавия реагировали на статью с бешеной злобой, – это выразалось и в письмах, которые приходили в Ясную Поляну. До какого озверения доходили те, против которых было направлено обличение Толстого, свидетельствует следующий факт. В день восьмидесятилетия на его имя пришла посылка с веревкой и письмом такого содержания: «Граф. Ответ на ваше письмо. [9] Не утруждайте правительство, можете сделать это сами, не трудно. Этим доставите благо нашей родине и нашей молодежи».

Характерно, что официозная «Россия» в статье, посвященной «Не могу молчать», утверждала, что Толстой «по всей справедливости» должен бы быть заключенным «в русскую тюрьму», если бы этому не мешала его

известность как художника.[10]

Марксистская истина, согласно которой ложные взгляды не могут быть выражены в действительно высокой художественной форме, находит свое подтверждение и в некоторых включенных в 37-й том произведениях. Всюду, где Толстой пишет о реальных процессах, происходивших в самой действительности, всюду, где он изображает реальные поступки людей в типических обстоятельствах, виден величайший художник, автор таких шедевров мировой литературы, как «Война и мир», «Анна Каренина», «Воскресение». И вместе с тем те страницы произведений, которые заняты морализированием и подчинены пропаганде реакционных идей непротивления и самоусовершенствования, носят чисто иллюстративный характер к заранее заданной теме, лишены живописной образности, яркости описаний. Это относится и к таким произведениям, как «Разговор с прохожим», и к статьям. Достаточно сравнить с этой точки зрения темпераментно-страстные, обличительные страницы «Не могу молчать» и стилистически однообразную, не содержа-

щую ни одного яркого образа статью «Любите друг друга» с ее ложной идеей о том, что «подчиненным и бедным» даже легче «исполнить учение любви», смириться, чем «властвующим, богатым». В произведении «Кто убийцы? Павел Кудряш» самые впечатляющие и горячие строки посвящены описанию того, как зарождалось и развивалось у Павла стремление бороться с окружающей несправедливостью.

В. И. Ленин, так высоко оценивший всемирно-историческое значение Толстого еще при жизни писателя, вместе с тем со всей резкостью писал о вреде толстовской проповеди «одной из самых гнусных вещей, какие только есть на свете, именно религии...», о его стремлении «поставить на место попов по казенной должности, попов по нравственному убеждению», о культивировании «самой утонченной и потому особенно омерзительной поповщины».[11] Отсюда очевиден и реакционный смысл религиозных произведений Толстого. В одном из своих писем к Горькому Ленин разъяснил, почему «всякая религиозная идея, всякая идея о всяком боженъке,

всякое кокетничанье даже с боженькой...» – особенно опасно. «Миллион грехов, пакостей, насилий и зараз *физических* гораздо легче раскрываются толпой и потому гораздо менее опасны, чем *тонкая*, духовная, приодетая в самые нарядные «идейные» костюмы идея боженьки».[12] В какие бы наряды ни рядилась идея бога, она всегда направлена против научного понимания жизни и ее закономерностей, разоружая человека в его борьбе за изменение действительности, за осуществление в сознательной практической деятельности великих социальных задач.

К чести Толстого, его религиозно-нравственное учение нередко вызывало у него самого мучительные сомнения.

Изучение произведений, писем, Дневников Толстого последних лет его жизни говорит о том, что после революции 1905—1907 гг. он, хотя и сохраняя систему своих взглядов, все же не мог не отразить в какой-то степени сдвиги, произошедшие в крестьянстве. Сомнения и колебания Толстого в истинности своего религиозно-нравственного учения нельзя рассматривать только как противоре-

чия его личной мысли, – такая постановка вопроса противоречит ленинскому подходу к литературе.

К концу жизни Толстой, впадая в еще более разительные противоречия, вместе с тем стал высказывать сомнения в правильности своих рассуждений о «всеобщей любви» и «непротивлении» как способе устранения социального зла. Об этом свидетельствуют многие его признания, сделанные для себя и лишь сравнительно недавно ставшие достоянием читателей. Так, например, в 1909 г., когда Толстой так активно пропагандировал идею «всеобщей любви», он записал в своем Дневнике: «Главное, в чем я ошибся, то, что любовь делает свое дело и теперь в России с казнями, виселицами и пр.».[13] Вопреки своему принципу отрицания революционного насилия, он вынужден был признаться самому себе: «Мучительное чувство.... унижения, забитости народа. Простительна жестокость и безумие революционеров».[14] А по поводу своей религии он однажды записал: «Страшно сказать, но что же делать, если это так, а именно, что со всем желанием жить только

для души, для бога, перед многими и многими вопросами остаешься в сомнении, нерешительности».[15]

Все эти трагические раздумья Толстого были вместе с тем отражением тех благотворных сдвигов, которые происходили в сознании русского крестьянства после революции 1905—1907 гг. Еще в середине 1904 г. Толстой заметил, что время, когда народ «хотел обожать и покоряться», уже прошло: «Теперь же народ уже не обожает и не только не хочет покоряться, но хочет свободы».[16] В предисловии к альбому картин Н. Орлова «Русские мужики» Толстой, хотя «...с характерным для худших сторон «толстовщины» сожалением...»[17], но констатировал, что русский народ с удивительной скоростью научился делать революцию. И в самом деле, русский народ, накапливая революционную энергию, учась на опыте 1905 г., шел навстречу великому перевороту, обозначившему новую эпоху всемирной истории. В ходе подготовки к этому перевороту революционная Россия взяла на вооружение наследие Толстого-реалиста и обличителя и, во имя торжества великих

идей свободы и справедливости, безоговорочно отвергла и осудила «толстовщину», ушедшую в прошлое.

Б. Мейлах

РЕДАКЦИОННЫЕ ПОЯСНЕНИЯ К ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОМУ ТОМУ

Тексты, публикуемые в настоящем томе, печатаются по общепринятой орфографии.

При воспроизведении текстов, не печатавшихся при жизни Толстого (произведения, окончательно не отделанные, неоконченные, только начатые и черновые тексты), соблюдаются следующие правила.

Текст воспроизводится с соблюдением особенностей правописания, которое не унифицируется.

Слова, случайно не написанные, если отсутствие их затрудняет понимание текста, печатаются в прямых скобках.

В местоимении «что» над «о» ставится знак ударения в тех случаях, когда без этого было бы затруднено понимание текста.

Условные сокращения типа «к-ый», вместо «который», и слова, написанные неполностью, воспроизводятся полностью, причем дополняемые буквы ставятся в прямых скобках

лишь в тех случаях, когда редактор сомневается в прочтении.

Описки (пропуски букв, перестановки букв, замены одной буквы другой) не воспроизводятся и не оговариваются в сносках, кроме тех случаев, когда редактор сомневается, является ли данное написание опиской.

Слова, написанные ошибочно дважды, воспроизводятся один раз, но это всякий раз оговаривается в сноске.

После слов, в прочтении которых редактор сомневается, ставится знак вопроса в прямых скобках.

На месте неразобранных слов ставится: [1, 2, 3 и т. д. неразобр.], где цифры обозначают количество неразобранных слов.

Из зачеркнутого в рукописи воспроизводится (в сноске) лишь то, что имеет существенное значение.

Более или менее значительные по размерам зачеркнутые места (в отдельных случаях и слова) воспроизводятся в тексте в ломаных < > скобках.

Авторские скобки обозначены круглыми скобками.

Примечания и переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие Толстому, печатаются в сносках (петитом) без скобок. Редакторские переводы иностранных слов и выражений печатаются в прямых скобках.

Обозначение * как при названиях произведений, так и при номерах вариантов означает, что текст печатается впервые; ** – что текст напечатан был впервые после смерти Толстого.

Иллюстрации

Фототипия с портрета Л. Н. Толстого 1908 г.
между стр. IV и V.

Примечания

Более подробную характеристику взглядов Л. Н. Толстого в последние годы его жизни см. в предисловии к тому 77 настоящего издания.

[^^^]

В. И. Ленин. Сочинения, т. 15, стр. 185.

[^^^]

«Россия», 30 июля 1908 г., № 823.

[^^^]

Т. 54, стр. 52.

[^^^]

Т. 84, стр. 128.

[^^^]

В. И. Ленин. Сочинения, т.15, стр. 180.

[^^^]

В. И. Ленин. Сочинения, т. 16, стр. 295.

[^^^]

См. запись в Дневнике 12 мая 1908 г.

[^^^]

«Письмом» названо «Не могу молчать», где Толстой, в порыве негодования и скорби, писал о том, что он хотел бы заключения в тюрьму и готов разделить участь повешенных крестьян.

[^^^]

«Точка над і». «Россия», 30 июля 1908 г., № 823.

[^^^]

В. И. Ленин. Сочинения, т. 15, стр. 180.

[^^^]

В. И. Ленин. Сочинения, т. 35, стр. 90.

[^^^]

Т. 57, стр. 200.

[^^^]

Т. 57, стр. 82.

[^^^]

Т. 58, стр. 65.

[^^^]

Т. 55, стр. 62.

[^^^]

Слова Ленина об этом предисловии (см. В. И. Ленин. Сочинения, т. 17, стр. 251).

[^^^]